

ЦВЕТОПИСЬ В ПРОЗЕ САТИМЖАНА САНБАЕВА

Творчество выдающегося казахского писателя Сатимжана Санбаева служит богатным материалом для ответа на многие вопросы теории и истории современной литературы, её художественного и национального своеобразия. Поэтическая структура произведений Санбаева отличается тонкой изысканностью, обусловленной наложением уникальной и сложной культуры субъективно-образной мысли на общемировой художественный опыт воплощения антропологических универсалий. Для творческого метода писателя характерно употребление ярких броских красок, выразительных образных сравнений, метафор, эпитетов и определений. Обратимся к прозе, в которой цветопись, пронизывая ткань миниатюр, создает чувственно завершенное полотно живого, бесконечно дорогого писателю мира Родины.

«Саргыз, высокая и стройная, женщина удивительной красоты, стояла в тени дуба и задумчиво наблюдала за поединком» [1,43];

«Серый в яблоках жеребец, редкой барсовой масти, скакал, кивая точеной головой и вода вокруг огненным взглядом» [1, 50];

«Длинноволосый юноша и жеребец удалились в искрометном беге, исчезли за очередным каменным водопадом, устроенным ими самими, растаяли, словно призраки, и вскоре гул лавины заглушил топот копыт» [1, 51].

«Лицо его было грустным, а большие светло-карие, скорее даже желтые, глаза напоминали глаза раненого орла» [1,163];

«Пылало солнце. Над степью, словно наводнение, плыл суховей, ровно и широко, выбирая последнюю влагу оврагов, сжигая травы. Поводя сухими горячими боками, понуро стоял соловый конь и плакал старик, уткнув лицо в гриву и обхватив худыми руками шею коня» [1,303];

«Вздогнула аруана, будто ударили её камчой, застыла на гребне холма, двигая губами. Это был ветер страны причудливых гор, которую она помнила. У моря, у Меловых гор рождается такой ветер. Горы наполняются странными тихими звуками. И как бы устремляются ввысь, выпрямляясь, вытягиваясь, и становятся еще неприступнее. Белый сухой туман заполняет ущелье и, медленно колыхаясь, заволакивает скалы. А звуки, словно разноцветные ручьи, делаются все сильнее, все необычнее, и эхо множит их» [1,300].

Подобные поразительно пластичные, полифоничные, рельефные фрагменты и составляют суть стилевого своеобразия и изящной художественности произведений Сатимжана Санбаева.

Повышают экспрессию сравнения и метафоры, образные прилагательные, определяющие степень признаков, субъективную или объективную эмоциональную оценку:

- отрывистые трели жаворонков пронзали воздух, подобно ракетам, рвущим ночную тьму;
- крепкие, словно камень, мышцы;

- в низине с беззвучным плачем умирал ковыль;
- женщина как напряженная тетива;
- густой туман, колыхающийся в ущелье, подобно кобыльему молоку;
- тихо плыл август;
- плескалась песня в гончарных мастерских;
- бродила легенда, прикасаясь ладонями к горам, холмам, людям и мазарам;
- прямая зубчатая гряда, стремительно уходящая на восток, напоминала конскую гриву, развевающуюся в диком беге;
- великое борение ушедшей жизни;
- ветер гладил шелк её длинных черных волос, навевая воспоминания о далекой земле родины;
- вылинявшее платье; вечерний остывающий вечерок; привычная и неутрачиваемая боль; далекая грустная или тихая долгая песня; сухое горбоносое лицо; тяжелый и упрямый шаг; настороженная тишина; молчаливые ряды; грозное войско; суровая Степь; безбрежная и бесконечная даль; мудрый закон и др.

Колористика цветовой гаммы подчинена созданию особой образной выразительности. Приведем примеры из повести «И вечный бой»:

- Черная змея-аркан, черные волосы;
- Голубые глаза красавицы Секер;
- Белое платье, шесть белых кобыл, белая рука, белые дороги, белые юрты, белые облака;
- Зеленые склоны гор, рыжая земля;
- Бело-синее марево, серо-лиловая полоса неба.

Цветовое решение в повести «Последняя столица»:

- зеленый листочек, зеленое сукно камзолов;
- черные шаровары, черный аба (длинная накидка из цельной шкуры), черные клубы дыма;
- золотой парчовый халат, золотые стрелы;
- белокаменный дворец, белоснежные юрты;
- темно-карие глаза, иссиня-черные волосы, белое лицо, белые зубы;
- серый в яблоках жеребец, серый волчонок, седогривая кляча;
- красное пятно крови, алая кровь;
- желтые языки пламени.

Цветопись в повести «Когда жаждут мифа»:

- зеленые оазисы и сады;
- голубое (ярко-голубое) небо, голубой бунчук, голубой минарет;
- синее небо, синеокая вода;
- голубой (пепельный) жеребец, соперник рыжей масти;

- белоснежная юрта, беломраморный брус камня, белые чайки, белые скалы, белые лебеди;
- белесо-желтый, серо-желтый ракушечник;
- желтая и цветная глина, желтые языки огня;
- черные (воспаленные; блестящие) глаза — зеленые рысьи глаза;
- черная рукоятка меча;
- красные и синие узоры орнамента ;
- разноцветные сполохи; разноцветные стекла;
- не тускнеющие, впитанные в камень краски;
- храм: купол желтый, звезды — красные.

Цветообразы в повести «Коп-ажал»:

- голубоватое марево, голубое небо, синее поднебесье;
- серые облака;
- зелено-синяя степь;
- белое пламя, белые горы Актау;
- оранжево-красное дерево;
- пепельно-голубая полынь; голубые цветочки — кокгуль;
- изумрудная стрельчатая трава;
- меняющиеся от коричневого и кроваво-красного до цвета слоновой кости и, наконец, белые скалы; красная; светло-коричневая скала;
- светло-карие, скорее даже желтые глаза;
- багровый шрам;
- седые брови;
- красно-желтый рисунок на скале;
- черный орел, черные горы, черный камень;
- черный от солнца старик, черные усы;
- светло-серые птицы;
- розовая шея грифа;
- красно-коричневые беркуты;
- коричневый с красноватым отливом клюв, рыжий птенец беркута;
- белоплечий беркут;
- огромный беркут белого цвета с рыжими перьями на лапах;
- черные перья, белое основание хвоста и белое оплечье беркута;
- ярко-рыжая шея самки беркута;
- старый беркут светло-бурого цвета.

Нравственно-философский и поэтический контексты прозы писателя насыщает символика цветовой палитры, в которой доминирует белый, его дополняют контрастный черный, красный и голубой цвета. И это не случайно: они символизируют стихии окружающего мира: свет и тьму, землю и небо, воду и огонь. Краски яркие и контрастны, необычайную свежесть и живость

придает им игра оттенков: бескрайние просторы зелено-синей степи под бело-синим с серо-лиловыми полосами поднебесьем обрамляют меняющиеся от коричневого и кроваво-красного до цвета слоновой кости белые скалы. Неожиданно целостность картины нарушает пронзительный, как луч, голубой цвет глаз красавицы Секер, но и он при всей уникальности гармоничен голубизне неба и степных цветов кокуль. Все эти ассоциации отсылают читателя в сказочно-цветущее, залитое ослепительным светом солнца и мгновенно меняющееся пространство свободной степи, на фоне которой контрастными диссонансами пульсирует феерия красок: от белого и черного до розового и ярко-рыжего оттенков.

Динамика цвета и света подчеркивает экспрессию каждой образной картины, читатель ощущает в их быстрой смене бесконечное движение, движение во всем – в природе, в жизни степи и казаха-кочевника. Мир как безмерность в «разноцветных сполохах» и «не тускнеющих, впитанных в камень красках», символ «всецветного» и «вечно-живого света бытия», подчиненного ритмам природы, является фоном и важным компонентом полистилистики, как ведущего способа текстообразования.

Фантастическая сила воображения и, главное, точный выбор возникающих образов, их осязаемость, зримость, пластичность и красочность – пожалуй, наиболее примечательные качества писательского таланта Сатимжана Санбаева. Цветопись выступает смыслообразующей парадигмой творчества писателя, объединяя все уровни текста и способствуя реализации авторского замысла, создавая при этом необходимый фон для прорисовки социальных портретов, пейзажа, интерьера уходящего в историю быта кочевников.

Цветообразы Санбаева полифункциональны. Помимо использования спектрального многообразия в качестве художественного приема, цветопись выполняет предметно-изобразительную, психологическую, символическую, семантическую, эмоционально-экспрессивную функции, участвуя в формировании системы мотивов и лейтмотивов, придающих прозе писателя особый колорит и национальное своеобразие.

Литература:

1. Санбаев С.. Белая аруана. – М., 2003.